

Южаков Денис написал проект о Н. В. Шарниной, пушкинистке, инженере НТЗ, ныне авторе десяти сборников стихов.

В этом году Панин Михаил, ученик 8б класса, представил проект о А. А. Колясникове, бывшем директоре школы № 15, создателе Музея Боевой и Трудовой Славы поселка: «Штрихи к портрету А. А. Колясникова,» в котором представил А. А. Колясникова как личность, этапы судьбы которой совпадали с этапами развития нашего государства.

Эти и другие проекты направлены на формирование исторической памяти. Но нужно помнить, что воспитанника нельзя ничем «вооружить» и нельзя ничего у него сформировать без его собственной активности в работе над собой. Недаром один мудрый человек сказал, что для духовного развития личности нужны три условия: большие цели, большие препятствия и большие примеры. Вот почему в формировании личностных качеств учащихся широкое применение находит положительный пример как метод формирования духовно — нравственной личности.

Список литературы:

1. Калистратова Э. Основы науки о родстве. — Екатеринбург, 2005. — С. 7.
2. Пахомова Н. Ю. Метод учебного проекта. — М, 2003. — С. 17.
3. Протащук И. Ю. Введение в генеалогию. — Казань, 2009. — С. 4.

*Л. В. Захаровский,
г. Екатеринбург*

Формирование советской системы профессионально-технического образования: принципы, векторы развития, драйверы

Периоду формирования советского строя, вызревания и реализации сталинского мобилизационно-модернизационного проекта, посвящены многие тысячи монографий и статей. Пристальное внимание к нему (не только исследователей, но и политической элиты, общества в целом) существовало и в советскую эпоху, существует оно и после крушения СССР. Официальная советская историографическая традиция была оформлена ещё в «Кратком курсе истории ВКП (б)». Она сводилась к тому, что В.И. Ленин разработал план построения социалистического общества в России, а коммунистическая партия, преодолевая сопротивление внешних и внутренних врагов, а также внутрипартийного «левого» и «правого» уклонов, поэтапно провела его в жизнь.

Со второй половины 1980-х гг. начинается постепенный пересмотр традиционной историографической схемы. Исследование запретных прежде тем и сюжетов, «белых пятен» истории 1920-х - 1930-х годов, и прежде всего, репрессивных кампаний, привели к историческому анализу и критике «культы личности» И. В. Сталина, к попыткам найти чистые, неискаженные основы, и, следовательно, к повышению интереса к ленинской теории.

С конца 1980-х гг. отечественные исследователи начинают активно использовать и наработки зарубежной, прежде всего, западной историографии, представленной двумя основными течениями — «тоталитарным» и «ревизионистским».

«Тоталитарное направление» (М. Джилас, Р. Конквест, М. Левин и др., отечественные исследователи Ю. Афанасьев, С. Кулешов) трактует события Октября 1917 года не как пролетарскую социалистическую революцию, а как государственный переворот, осуществленный партией большевиков. Политическая стратегия Сталина признана логическим продолжением ленинизма, а построенная система тоталитарной, контролирующей все стороны жизни отдельного человека и общества в целом. Главные опорные механизмы тоталитарной системы — огосударствленная экономика, однопартийная политическая система, подсистема страха и пропагандистская машина. Близкий аналог советского тоталитаризма видели в фашистской Германии. Убежденность сторонников «тоталитарного направления» в том, что единственным субъектом принятия решений в стране являлись высшие партийные инстанции (Политбюро ЦК), привела к тому, что приоритет в исследованиях, как правило, отдавался изучению деятельности органов власти, государства (характеризуемого через термины безальтернативность, косность, иммобилизм). Общество, его институты, социальная структура оставались на втором плане, рассматриваясь лишь как объект массивного воздействия со стороны партийно-государственного руководства. В самом руководстве абсолютизировалась роль И. В. Сталина.

В конце 1970-х гг. в западной историографии появляются работы, положившие начало «модернизаторско-ревизионистскому направлению» историографии (Ш. Фитцпатрик, Х. Куромия и др.). «Ревизионисты» признают Октябрь 1917 г. пролетарской революцией, сталинизм (хотя и искаживший ленинскую теорию и приведший к многочисленным жертвам), имевшим глубокие демократические корни, т.е. выразившим волю большинства народной массы, результатом взаимодействия «групп интересов» (социальных, политических) и являвшимся основой для культурного и экономического развития (индустриализация, лик-

видация неграмотности и т.д.). В целом, взгляды историков — «ревизионистов» следует признать менее политизированными и склонными к схематизации и более отражающими сложный (а временами и противоречивый) характер исторической реальности.

Корректная интерпретация отечественной истории 1917–середины 1950-х гг., на наш взгляд, невозможна без выделения её системообразующих основ. В качестве таких взаимосвязанных и взаимозависимых основ, к которым могут быть сведены все события и факты, являлись:

1. Фактор партии (борьба за сохранение политической власти большевиков и внутрипартийная борьба),

2. Стратегия завершения революции (прежде всего, подразумевала окончательную ликвидацию эксплуататорских классов — кулачества и нэпманов),

3. Мобилизационно-модернизационный проект конца 1920-х — 1930-х гг.

Фактор партии являлся приоритетным и определяющим. Никакие действия лидеров партии, ставившие под угрозу власть большевиков и внутреннюю монолитность «ордена меченосцев» не имели шансов на получение поддержки партийных масс и, следовательно, на реализацию. Именно поэтому самым страшным обвинением в ходе внутрипартийной борьбы было обвинение во фракционности, попытках внесения раскола в партийные ряды, а идеологические принципы и утопии всегда подчинялись прагматической цели сохранения власти в стране (введение НЭПа вместо военного коммунизма, фактический отказ от идеи Мировой революции и т.д.). Победа в конце концов «государственников» над «утопистами» выразилась во-первых, в приоритете стратегии завершения революции, построения завершённого социализма в одной, отдельно взятой стране, а во вторых, поставила в повестку дня разработку модернизационного проекта, который позволил бы этому социалистическому государству выжить во враждебном внешнем окружении.

При этом и завершение революции и модернизационный проект были взаимосвязаны и взаимозависимы. Невозможность проведения мобилизационной модернизации в стране, не завершившей революцию, продемонстрировали первые попытки, предпринятые еще в донэповский период. Ярчайшим примером является план ГОЭЛРО, базировавшийся на военно-коммунистических принципах, но не поддержанный затем в условиях НЭПа соответствующим развитием крупной промышленности. Такой же мобилизационной мерой в области начального или низшего профессионального образования являлся подписанный

В. И. Лениным в июле 1920 г. декрет о введении профессионально-технической повинности, объявивший всех рабочих в возрасте от 18 до 40 лет подлежащими учебной профессионально-технической повинности через прохождение краткосрочных курсов.

Завершение революции и построение социализма понимаемого (в ленинской трактовке) как общество без эксплуатации и эксплуататоров требовало решения проблемы оставшихся эксплуататорских классов (кулачества и нэпманов), рассматривавшихся значительной частью партийцев в качестве реальной и усиливавшейся угрозы сохранению власти большевиков. Таким образом, поддержку во внутривластной борьбе за власть, начавшейся после смерти В. И. Ленина, могла получить лишь программа, решавшая одновременно задачи идеократические (завершение революции) и прагматические (изменение места СССР в системе мирового хозяйства, укрепление экономической и военной мощи государства). Сложность такой увязки состояла в сложноустраняемых противоречиях между интернационалистическими идеологическими догмами и природой мобилизационной модернизации, невозможной без опоры на принципы имперскости, патриотизма, традиционализма. Для В. И. Ленина или Л. Д. Троцкого, Россия была лишь слабым звеном в цепи империализма, бикфордовым шнуром для её подрыва. Поворот от интернационализма к державности произошел не с началом Великой Отечественной, как это нередко утверждают, он был связан с началом мобилизационного проекта.

Критики сталинской модернизации ошибочно считают её целью построение советского тоталитаризма, казарменного, государственного или феодального социализма и изошряются в их критике. Сам Сталин говорил лишь о завершении в основном построения социализма, первой фазы коммунистического общества. Речь шла, очевидно, лишь о социально-политической модели, необходимой для увязки масштабов объективных задач, стоящих перед обществом и временем, располагаемым для их решения, то есть для реализации мобилизационно-модернизационного проекта в обозримые сроки, «иначе нас сомнут».

Проект по определению не мог подразумевать соответствующую ему социально-политическую модель как финальную цель, реализацию утопии. Ведь мобилизационная модернизация по своей природе является временным концентрированием всех усилий и ресурсов для создания экономического и военного могущества государства. Мобилизационные меры при очевидной (и быстрой) эффективности имели объективное временное ограничение — мобилизация без конца перестает быть мобилизацией, утрачивается понимание перспективы, светлой цели и тех

социальных жертв, которые к ней приведут, а значит, начинается утрата энтузиазма и деградация мобилизационных механизмов.

Основными принципами мобилизационной модернизации, органично дополнявшими друг друга и определившими общие требования к необходимой для её обеспечения системе профессионально-технического образования, являлись:

1. Построение мощного и самодостаточного хозяйственного комплекса нерыночного типа. Такой хозяйственный комплекс подразумевал отсутствие рынка рабочей силы и безработицы, должен был воспроизводить и наращивать кадры через планово-мобилизационную систему подготовки рабочих, находящуюся на полном государственном обеспечении.

2. Достижение идеологической и культурной монолитности общества, основанной на общем понимании истории, современности и желаемого будущего, базирующемся на традиционных архетипах народного сознания. Без этого невозможно ключевое условие успеха модернизации — массовая общественная поддержка, основанная на понимании народом задач развития и готовности участвовать в их достижении. Большой трагической ошибкой либеральных реформаторов в России исторически было пренебрежение к необходимости такой поддержки. Отсюда и восприятие либеральными историками продуманной воспитательной и разъяснительной работы периода сталинской модернизации, необходимой для запуска механизма самомобилизации населения, как досадной идеологической трескотни.

Мобилизационные лозунги работали именно потому, что органично встраивались в историческую память народа. Культивировалась идеология победителей, но в отличие от американской идеологии успеха, победителей не индивидуальных, а коллективных, что соответствовало традиционному духу общинности и соборности. Важнейшая часть народного архетипа в постоянно воевавшей за выживание России со времен «Слова о полку Игореве» выражалась в формулах, отражавших необходимость сплочения вокруг общих ценностей (веры, родной земли, мирного труда) ради их эффективной защиты. В период «сталинского проекта» лозунг «За Веру, Царя и Отечество» был органично трансформирован в лозунг «За Родину, за Сталина».

Сильной стороной идеологической работы рассматриваемого периода являлось и встраивание ключевых мобилизующих лозунгов в повседневную жизнь на местах — в школе, вузе, на предприятии, в военной части. Именно поэтому первая строчка марша трудовых резервов (1947 г.) — «Мы родному вождю и отчизне верны» — это не попытка потешить самолюбие вождя и не избыточность пропаганды, а элемент

необходимой для эффективности мобилизующего воздействия регулярной трансляции « символа веры » на низовом уровне.

Сила воздействия идеологических лозунгов определяется не только их соответствием народной памяти и потребностям реальной жизни, но и умением идеологических механизмов обеспечить их единообразие повсюду. Символ веры по определению не может иметь местных особенностей. Применительно к подготовке рабочих кадров такое единообразие могло быть достигнуто лишь путем реализации единой воспитательной политики, возможной только в рамках единой системы начального профессионального образования и было, напротив, недостижимым в условиях подготовки рабочих для нужд отдельных предприятий.

3. Осуществление нового социального структурирования, при котором критерием стратификации выступали уже не происхождение или профессия, уровень зажиточности или образования, а **степень полезности человека в достижении целей модернизации**. Механизмы нового социального структурирования были довольно просты — предоставление льгот полезным и репрессирование вредных. Бывший дворянин или царский офицер, лояльный и полезный в условиях мобилизационной модернизации мог сделать прекрасную карьеру, а высказывающий недовольство колхозник подвергнуться репрессиям. Система профессионально-технической подготовки молодых рабочих играла при этом роль одного из важнейших социальных лифтов. Молодые осужденные или дети спецпереселенцев, при определенных условиях, прилежном образовании и труде получали возможность выйти из разряда советских маргиналов и занять достойное место в обществе, нарушители же учебной и трудовой дисциплины любого происхождения могли быть подвергнуты заключению в лагерь. Помимо вертикальной мобильности, профессионально-техническое образование обеспечивало и не менее важную для общества мобильность горизонтальную, являясь важнейшим каналом организованного перетока рабочих рук из деревни на городские промышленные предприятия — например в 1950 г. доля сельской молодежи, принятой в учреждения профтехобразования составляла 78%¹.

4. Строительство централизованной, но открытой для учета интересов важнейших для успеха модернизации общественных сил, системы партийно-советского управления. Было бы невероятным упрощением считать Политбюро ЦК коммунистической партии единственным субъектом принятия решения в стране. Политбюро и

¹ Филиппов Ф.Р. Социология образования. М.: «Наука», 1980. С. 115.

советская власть являлась единственным субъектом легитимизации решений, а вот в их выработке заметную роль играли представительные собрания как внутри самой партии (съезды партии), так и вне её (съезды различных социально-профессиональных групп — ударников, колхозников, шахтеров, учителей, крестьян, женских организаций и т.д.). Считать эти съезды чисто ритуальными значит исказить историческую истину. Даже если здесь не вырабатывались конкретные решения, такие съезды выполняли функцию обратной связи, позволяя согласовывать политический курс с интересами общественнозначимых групп.

Приверженцы тоталитарного направления историографии, обвиняя сталинизм в догматичности и схематизме, сами оказались несвободны от этих недостатков. Абсолютизируя то, что мы назвали «фактором партии», внутрипартийную борьбу, роль личности Сталина, они вынужденно отбрасывают не ложащиеся в их схему факты, свидетельствующие о массовой поддержке проводившегося курса, игнорируют всю важность «стратегии завершения революции», популярной у значительной части партийцев, многих участников Гражданской войны, крестьян, среди которых преобладала психология уравнилителей. Сталин, как бы мы к нему не относились, знал и учитывал настроения масс, о чем и признавался неоднократно (например, в беседе с Эмилем Людвигом).

Поэтому создание системы государственных трудовых резервов и местных управлений трудовых резервов, то есть переход от преимущественно производственно-отраслевого принципа управления профтехобразованием к преимущественно территориальному, являлся одним из таких механизмов не только прямой, управленческой, но и обратной связи, сочетающим централизованную управляемость системы и возможность учета местных особенностей и потребностей, достижение общих народнохозяйственных задач при рациональном использовании ресурсов на местах, востребовании местных идей и инициативы, что особенно ярко проявится в тяжелейших условиях войны.

В истории СССР 1917-1958 гг., рассматриваемой через призму предложенных нами основ, можно выделить период формирования предпосылок модернизационного проекта (1917-1927 гг.), период его реализации (1927-1953 гг.) и период его свертывания (1953-1958 гг.). В рамках периода реализации сталинского проекта мобилизационной модернизации вполне рельефно проступают два основных этапа.

Первый этап (1927-1938 гг.) включал в себя создание основ народного хозяйства нерыночного типа. Для профессионально-технического образования это означало постоянный поиск оптимального для нужд

модернизации типа учебного заведения, сроков обучения, учебных планов. Основной тип профессионально-технического учебного заведения — школы ФЗУ на протяжении 1930-х гг. всё меньше соответствовали и масштабам промышленности и требованиям технического прогресса, сеть их постоянно сокращалась. Применительно к фактору партии этот этап вобрал в себя внутрипартийную борьбу, как конкуренцию проектов дальнейшего развития, свертывание НЭПа, репрессии против оппонентов сталинского проекта (и политических, и социальных), обновление правящей партийно-государственной элиты за счет сторонников мобилизационной модернизации. Применительно к стратегии завершения революции это социальное переструктурирование, ликвидация эксплуататорских классов и создание новой социальной структуры, закрепленной Конституцией 1936 года, которая отражала, впрочем, не столько реальность, сколько идеал, к которому это новое общество должно было стремиться.

Второй этап (1938-1953) представлял собой совершенствование мобилизационных механизмов, их адаптацию к назревавшей войне, их максимального использования в военные годы и во время послевоенного восстановления и начала холодной войны. Для профессионально-технического образования это выразилось в создании системы государственных трудовых резервов. Применительно к фактору партии это принятие комплекса мер по укреплению роли партии, её контроля над важнейшими институтами государства (например, армией за счет устранения ненадежного командного состава), послевоенное восстановление массивированного идеологического воздействия на общество. Относительно стратегии завершения революции это переход к постепенному вписыванию маргинализированных в 1927-1938 гг. элементов (например, спецпереселенцев) в новое общество в качестве полезных участников модернизации.

Реальная история оправдала авторов и сторонников мобилизационной модернизации конца 1920-х-1930-х гг., хотя бы просто потому, что без её реализации сейчас нечего и некому было бы осуждать. Сталина часто обвиняют в маниакальной жажде власти, ради которой он избавился от старой «ленинской гвардии», развязал репрессии, не обращал внимание на социальную цену своих «побед». Это так. Сталин (как всякий политический деятель), безусловно, желал власти и провозглашение стратегии завершения революции укрепило его позиции как крупного партийного теоретика. Сам Сталин понимал, что вождем партии может быть лишь её крупнейший теоретик. Но всё это никак не отменяет того, что в условиях действия «фактора партии» власть была необходимым условием реализации проекта мобилизаци-

онной модернизации, который, как показали последующие события, являлся единственно возможным сценарием развития, обеспечивающим выживание государства. Есть ли та «социальная цена», которую нельзя «заплатить» за выживание самого социума?

Закрытость (одна из характеристик мобилизационной модели модернизации) многих сторон жизни советского общества привела к их мифологизации, завышению представлений о жертвах и негативных явлениях, неправильному пониманию содержания и связи отдельных процессов развития. Как Петр Великий был антихристом для сторонников традиционализма, так и Сталин стал им для сторонников интернационалистической утопии или западной демократии, которые охотно ссылаются друг на друга именно в этом вопросе. Проблема не в этом. Настоящая проблема в том, что до сих пор важнейшие процессы создания в кратчайшие сроки в нашей стране современных промышленности, науки, культуры и образования обсуждаются ученым сообществом не с точки зрения оправданности выбора наилучшей из возможных альтернатив в конкретных исторических условиях, а с точки зрения степени соответствия (точнее несоответствия) некоей умозрительной допустимой модели развития и столь же умозрительным общечеловеческим критериям минимальной приятности человеческого бытия.

Создание и развитие в СССР системы профессионально-технического образования стало важной частью сталинского мобилизационно-модернизационного проекта (взаимозависимого как отмечалось и с фактором партии и со стратегией завершения революции), поэтому и оценивать её мы будем не вообще, с неких умозрительных позиций эффективности и социальной цены, а лишь с позиций соответствия её основных принципов и механизмов задачам оказавшегося реализуемым, достижимым в конкретных исторических условиях варианта модернизации.

Историческая реальность периода формирования предпосылок и реализации проекта мобилизационной модернизации под руководством И. В. Сталина не ограничивалась страхом и массовыми арестами, раскулачиванием и системой подневольного труда. Она была сложной, противоречивой. И отчасти дающей ответ на безусловно справедливый вопрос историка А. Н. Боханова, — почему «...исторически одномоментно Православное Царство превратилось сначала просто в «республику», а потом в «республику советов»?¹ И добавим: пережило исторически беспрецедентную социальную, культурную и экономическую трансфор-

¹ Боханов А.Н. Русская идея. М.: Вече, 2005. С.350.

мацию? Этот непродолжительный период вмести в себя и попытку реализации космополитической идеи мировой революции, и возвращение к традиционному для России, пусть и перепрограммированному на большевистский манер, государственничеству. «Государственный анчар большевиков» (И. А. Ильин) был зачастую уродлив в своих проявлениях, но заслуга его — в сохранении древа российской государственности. Попытка осуществить впервые на практике построение социализма, пока в рамках одной страны, удачно накладывалась на исторически сложившиеся мессианские устремления русского народа. Идея построения единственного социалистического государства заменила в глубинах народной психологии идею единственного подлинно православного царства — концепцию «Москва — третий Рим»: «Два Рима пали, третий Рим (Москва) стоит, а четвертому не бывать». При этом и будучи единственным бастионом православия, и став первой страной победившего социализма, Россия никогда не впадала в соблазн национальной исключительности. Как справедливо отмечал И. Л. Солоневич: «Русская национальная идея всегда перерастала племенные рамки и становилась сверхнациональной идеей, как русская государственность всегда была сверхнациональной государственностью»¹. И если сравнивать модель развития СССР в рассматриваемый период с тоталитаризмом фашистской Германии, нужно в первую очередь, видеть это их коренное отличие.

«Культ личности» также опирался на мощные архетипические глубины народного сознания, воплощая веру в необходимость одного правителя и являясь вариантом «нового монархизма». Многовековая постоянная борьба с внешними агрессиями обеспечивала однозначную общественную поддержку курса на создание независимой от внешнего мира мощной национальной экономической модели. Невозможно отрицать и реальные социальные достижения данного периода — ликвидацию, в значительной мере, беспризорности, безработицы, неграмотности, эпидемий, проституции, наркомании и т.д. Поэтому, а не только благодаря репрессиям, существовала массовая поддержка проводившейся в СССР политики. Нельзя с точки зрения морали оправдать массовые репрессии, но нужно признать, что в условиях недостаточности экономических ресурсов и дефицита времени, модернизационные процессы могли подстегиваться лишь внеэкономически. Исторические задачи, не нами замечено, решаются не красивыми словами, а железом и кровью. Через массивное принуждение не вписывающихся в процессы форсированной модернизации людей к определенному образу жизни,

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991. С.16.

интенсивности труда, уровню запросов — иначе исторический рывок был попросту невозможен. Поэтому характер и масштабы такого принуждения были определены не только личными качествами ключевой фигуры данного отрезка нашей истории — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Создание первой в нашей стране системы профессионально-технического образования — системы государственных трудовых резервов, произведенное под неусыпным контролем генсека, опиралось на традиционные для России принципы профессионального образования в схожих условиях (модернизации при Петре I) и органично сочеталось с другими экономическими механизмами мобилизационной модернизации. При этом еще и создавались социальные лифты для новой социализации ряда общественных групп, подвергшихся маргинализации в ходе внутривластной борьбы, коллективизации, индустриализации. Как представляется, Сталин смог стать автором и руководителем модернизационного проекта поскольку обладал умением видеть существо исторической эпохи и лучше других большевистских лидеров понимал общество, которым прагматично управлял.

Обеспеченная мощная поддержка мобилизационной модернизации снизу определила достигнутые по целому ряду направлений успехи, позволила одержать победу в Великой Отечественной войне, произвести в кратчайшие сроки послевоенное восстановление страны, сделала реальностью прорывные достижения в использовании ядерной энергии, освоении космического пространства, других областях науки и техники. Освоение военного (термоядерная бомба) и мирного атома, первый спутник и полет Ю. А. Гагарина, ассоциирующиеся с хрущевским десятилетием, на самом деле были достижением не хрущевской «либерализации» советского общества, а прямым результатом реализации проекта мобилизационной модернизации.

При этом мобилизационно-модернизационный проект по самой своей природе требовал колоссального перенапряжения народных сил, что вместе с беспрецедентными тяготами войны объективно ставило вопрос о его прекращении или приостановке. Такой вопрос осознавался не только на уровне обыденного сознания, но и частью партийного руководства, особенно после смерти И. Сталина. Сами обстоятельства борьбы за власть между советскими диадохами превратили этот важнейший вопрос в политический, что не способствовало спокойному поиску оптимального решения.

Наиболее логичными и выверенными представляются в этом смысле предложения Г. М. Маленкова — дать передышку деревне (снижение сельскохозяйственного налога, разрешение подсобных хозяйств

колхозников), перераспределить государственные инвестиции в пользу легкой промышленности и увеличить производство товаров народного потребления, взять неконфронтационный курс во внешней политике. Подобные меры радикально не подрывали основных экономических механизмов и принципов, созданных мобилизационным проектом, но позволяли улучшить положение трудящихся. Не случайно, в качестве одного из важнейших обвинений Г. М. Маленкова, из уст Н. С. Хрущева, В. М. Молотова и других звучало определение его лозунгов и планов как имеющих демобилизующий эффект.

Верх в борьбе за власть, как известно, одержал Н. С. Хрущев, политика которого причудливым образом сочетала критику культа личности Сталина с продолжением мобилизационного проекта в сельском хозяйстве, дезорганизацию целого ряда мобилизационных механизмов в промышленности с продолжением курса на первоочередное развитие отраслей группы А.

Неумелая дезорганизация мобилизационного проекта Хрущевым стала подлинной причиной экономических проблем 1960-1980 гг., угасания поддержки снизу и деградации государственных и общественных институтов. Одной из тяжелейших дезорганизационных мер была ликвидация системы государственных трудовых резервов (1958 г.). Эта реформа означала конец мобилизационной модернизации в системе профессионально-технического образования и подрыв сложившейся системы кадрового обеспечения промышленных предприятий.

В скрытом виде, восстанавливался рынок рабочей силы, покупателями на котором выступали государственные предприятия и учреждения, что вместе с усиливающимся отставанием сельскохозяйственного производства и отраслей группы Б, подрывало трудовую дисциплину, вело к скрытой конкуренции плохо обеспеченных товарами зарплат, поиску предприятия, способного обеспечить жильем, льготным стажем и т.д., искусственному созданию кризисных секторов экономики с хронической нехваткой рабочей силы и, в конечном счете, к нарастанию противоречий между все более рыночным поведением и ожиданиями рабочих и социалистической природой предприятий. Ярким показателем неумелой дезорганизации мобилизационной модели развития промышленности стали события в Новочеркасске. «Косыгинская» реформа была, в значительной степени, лишь следствием нарастания этих противоречий. Развитие этого процесса привело к постоянному, но до поры преимущественно латентному росту недовольства рабочих и стало одной из важнейших причин краха советского государства.